

УДК 343.985+303.832.24

Р.Л. Ахмедшин

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТАКТИКИ ДОПРОСА ЭКСПЕРТА

В статье раскрываются проблемы тактики проведения допроса эксперта. Соединение психологического, криминалистического и процессуального аспектов позволило выявить ряд актуальных проблем, не нашедших отражения в криминалистических исследованиях. В статье исследованы также и способы противодействия со стороны эксперта.

Ключевые слова: допрос, эксперт, доказательство.

Статус экспертного заключения как доказательства не столь очевиден, как может показаться на первый взгляд. Статья 17 УПК РФ («Свобода оценки доказательств») декларирует оценку доказательств судьями и присяжными заседателями своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью (п. 1 ст. 17 УПК РФ), а также отсутствие заранее установленной силы у каких-либо видов доказательств (п. 2 ст. 17 УПК РФ).

Напомним, что, предоставляя оценку доказательств внутреннему убеждению, закон вместе с тем предписывает определенные правила формирования этого убеждения, а для многих решений также и форму выражения результатов этой оценки в принятом решении. Сказанное обеспечивает сочетание при оценке доказательств субъективного фактора – внутреннего убеждения – и объективного фактора – совокупности рассмотренных доказательств. В теории права оценка доказательств по внутреннему убеждению именуется свободной оценкой доказательств, в отличие от формальной теории доказательств, в которой сила и значение доказательств формализованы, т.е. определяются в законе, и судьям оставалось только проанализировать, имеется ли необходимое количество доказательств для признания лица виновным. Исходя из логики формализации, данные доказательства ранжировались, делясь на совершенные и несовершенные. Совершенного доказательства считалось достаточно для обвинения. К таким относились, например, признание своей вины подсудимым, а также, помимо иных, свидетельство эксперта.

Лишая доказательства установленной силы, мы формально создаем возможность оценить каждое доказательство по его собственной природе, принадлежности к определенному виду доказательств, а также обнаружить противоречие или совпадение между сведениями из разных источников.

Однако действительно ли *de facto* существует возможность оценки всех видов доказательств по внутреннему убеждению?

Напомним, что в описательно-мотивировочной части как оправдательного (п. 4 ч. 1 ст. 305 УПК РФ), так и обвинительного приговора (п. 2 ст. 307 УПК РФ) необходимо, помимо прочего, изложить мотивы, по которым суд отверг другие доказательства. Мотивация отказа, естественно, должна быть аргументирована, иначе теряется весь смысл рассматриваемых статей. Воз-

можно ли подобная аргументация в отношении заключения эксперта, которое судья посчитал целесообразным отвергнуть?

Если речь идет о заключении эксперта, способен ли судья объективно убедительно объяснить, почему он отвергает доказательства, если не способен в полной мере понимать закономерности их природы? Напомним, сама необходимость обращения к носителю специальных знаний возникает именно в силу того, что у иных участников процесса этих познаний не хватает, они не способны сделать выводы, анализируя ряд обстоятельств.

Конечно, в рамках ст. 282 УПК РФ по ходатайству сторон или по собственной инициативе суд вправе вызвать для допроса эксперта, давшего заключение в ходе предварительного расследования, для разъяснения или дополнения данного им заключения, но вероятность получения дополнительной информации, как показывает практика, невысока. Назначение же повторной экспертизы мало того, что затягивает продолжительность рассмотрения дела в суде, так еще и формирует ситуацию, когда на руках у судьи будут содержательно различающиеся экспертные заключения, объективность которых суд опять же будет оценивать, не имея на то достаточных познаний.

Недостаточная мотивация отказа от признания экспертного заключения является потенциально достаточной причиной для последующего возможного пересмотра дела. Естественным, возвращенные на рассмотрение дела не являются внешним показателем профессионализма судьи, что работники суда осознают и стараются снивелировать. Человеческий фактор выступает как один из базовых, часто предопределяя поведение профессионалов, несмотря на декларируемые принципы, а порой, как понятно из приведенного, и правовые нормы. Сказанное позволяет утверждать, что даже в современном российском уголовном процессе нельзя категорически отрицать действие системы, описанной в теории формальных доказательств. Понятно, что подобный формализм присутствует только *de facto*, но даже этого достаточно, чтобы говорить об особенном статусе экспертного исследования, а как следствие, о тактических особенностях допроса эксперта, прежде всего в процессе предварительного расследования.

Для следователя значимо утверждение, что если экспертное исследование *de facto* обладает особенной доказательственной ценностью, то в процессе предварительного расследования необходимо нейтрализовать такую «потенциально опасную» разновидность доказательств. Таким образом, эффективная тактика допроса эксперта становится порой единственным способом отстаивания позиции следователя.

Целью допроса эксперта является получение разъяснений данного им заключения или дополнений к нему. Допрос эксперта производится, прежде всего, для уточнения компетенции эксперта и его отношения к данному делу, а также с целью разъяснения данного заключения, когда в своих показаниях эксперт:

- объясняет сущность специальных терминов и формулировок, обосновывает необходимость использования выбранной методики исследования, приборов и оборудования;

– объясняет, как выявленные диагностические и идентификационные признаки позволили ему сделать те или иные выводы, в какой мере выводы основаны на следственных материалах;

– излагает свое мнение о причине получения разными экспертами нетождественных выводов в случае комиссионной экспертизы.

Не следует также забывать, что целью допроса эксперта может выступать и получение информации, которая хотя и не была приведена в экспертном заключении, но имеется в распоряжении эксперта. Сказанное следует из психологически естественной для эксперта ориентации формального характера на содержание вопросов, формулируемых следователем в постановлении о назначении экспертизы, и частого нежелания расширять пределы экспертного исследования.

Криминалистическая характеристика допрашиваемого-эксперта.

Допрашиваемый-эксперт, прежде всего, характеризуется наличием специальных знаний, степень владения которыми следователем крайне незначительна. Отметим, что фактор невладения следователем знаниями, на основе которых построено экспертное заключение, являющееся предметом допроса эксперта, радикально меняет и тактико-структурную, и психологическую составляющую допроса эксперта.

Тактика допроса эксперта станет более результативной, если выявить основную мотивацию поведения эксперта в процессе допроса.

Согласно ст. 307 Уголовного кодекса РФ эксперт несет ответственность за заведомо ложное экспертное заключение. Ложное заключение эксперта может состоять в неправильном изложении установленных во время экспертизы фактов, сокрытии их или сообщении несуществующих, а также в неверных объяснениях установленных экспертизой обстоятельств. Естественно, лицо, проводившее экспертизу, не желает наступления данных последствий, поэтому постарается противодействовать следователю уже на стадии постановки вопроса о реальности факта наличия заведомо ложного заключения, т.е. в процессе допроса эксперта.

Эксперт в процессе допроса относится достаточно пристрастно к следователю, так как, во-первых, знает о непрофессионализме лица, проводящего допрос, в сфере экспертных знаний; во-вторых, имея опыт общения со следственным корпусом, понимает реальную обвинительную направленность деятельности следователя; в-третьих, объективно оценивая потенциал негативных последствий как установления вероятного факта ложности экспертного заключения, так и его процедуры, эксперт будет отрицать совершенные ошибки, даже неумышленные. Таким образом, в процессе допроса эксперта следователю противостоит интеллектуальный, собранный, лично заинтересованный в противодействии, владеющий основами тактики допроса оппонент.

Отметим, что о противодействии эксперта следователю необходимо говорить даже в случае отсутствия события заведомо ложного заключения эксперта. Эксперт ориентирован на противодействие, так как выявленные неточности и ошибки экспертного исследования, даже безотносительно потенциальных обвинений в рамках ст. 307 УК РФ, значительно «обесценивают» статус его как профессионала в отношениях с работодателями, клиентами или и теми и другими.

Итак, с одной стороны, мы имеем эксперта, настроенного на скрытое или открытое противодействие следователю в процессе допроса. С другой стороны, мы имеем невысокий уровень знаний современного следователя. Традиционно лица, имеющие высшее юридическое образование, в своем большинстве характеризуются уровнем познания ниже среднего в области точных и естественных наук. Особенности гуманитарной направленности юридического образования фактически не позволяют что-либо изменить в этой области. Противодействовать на допросе экспертам (специалистам), имея небольшой багаж познаний, крайне проблематично. Имеющиеся тактические схемы предполагают хотя бы условное тактическое «равенство» участников допроса. В случае допроса эксперта, как правило, подобного равенства нет, наоборот, следователь изначально находится в тактически проигрышной позиции.

Для того чтобы привести ситуацию допроса эксперта в состояние условного тактического равенства, необходимо усилить следователя специальными познаниями. Самым простым случаем в данной ситуации является приглашение специалиста в области экспертного исследования в качестве третьей стороны допроса. Понятно, что речь идет о третьей стороне только в тактическом аспекте, никакого специального процессуального статуса специалисту не нужно. По сути, специалист выступает как промежуточное звено.

Традиционно считается, что «общей особенностью допроса эксперта и специалиста является формулировка вопросов и дача ответов в предельно понятной и ясной форме, без использования сложных языковых построений и непонятных конструкций, слов и выражений, допускающих неоднозначное понимание или неверное истолкование присяжными заседателями» [1. С. 207]. Однако, даже не учитывая уровня познаний следователя в области, в которой проводилось экспертное исследование, ставшее предметом допроса, формулировка ответов «в предельно понятной и ясной форме» на вопросы не всегда оптимальна для допрашиваемого эксперта. Грамотно используя специфику научной терминологии впоследствии, всегда можно апеллировать к недопониманию, возникшему из-за неоднозначного понимания смысловой нагрузки слов вообще и терминов в частности.

Проиллюстрируем на примере приведенное выше положение. На вопрос следователя «Какова надежность используемой Вами психодиагностической методики» эксперт отвечает: «Используемая мною психодиагностическая методика обладает крайне высокой надежностью». Казалось бы, возможности различных трактований сведены к минимуму. Однако это абсолютно не так.

Под термином «надежность» следователь понимает общую совокупность свойств методики отражать объективную реальность психики человека. Эксперт же под словом «надежность» понимает только составную часть названной объективности, потому что термин «надежность» в терминологии психологической науки и в бытовом понимании отличается очень значительно.

В психологии общая объективность психодиагностической методики определяется содержанием понятий «стандартность (стандартизированность)» – соответствие закону нормального распределения или же норме социокультурного характера, «валидность» – соответствие результатов теста той характеристике, для измерения которой он предназначен, «надежность» – свойство теста давать при повторном измерении близкие результаты.

Таким образом, не уточняя, что подразумевает следователь под понятием «надежность», эксперт, несмотря на кажущуюся однозначность, дает крайне двусмысленный ответ, оставляя за собой в суде возможность апеллировать к безграмотности следователя, в нашем случае в сфере психологии.

На основе вышесказанного мы можем утверждать, что стандартная структура допроса эксперта не целесообразна и нуждается в значительной творческой переработке.

Учитывая факт присутствия на допросе эксперта специалиста, наиболее оптимальной представляется следующая тактика:

1. Следователь формулирует вопрос эксперту, используя простые лингвистические обороты, не имеющие специальной терминологической нагрузки. Если в протоколе допроса эксперта будут присутствовать вопросы следователя и ответы эксперта, формулируемые по принципу предельной доступности, то впоследствии и судья будет иметь возможность мотивированно отвергнуть заключение эксперта из доказательственной базы. В протокол допроса вносится именно данная редакция вопроса следователя.

2. Специалист трансформирует вопрос, поставленный следователем, в форму, содержащую специальные термины. Специалисту целесообразно уточнить, какое понимание он вкладывает в используемую терминологию. Лицам, имеющим юридическое образование, известно, что в теории права существуют различные теории раскрытия сущности феномена «иска» – как материального понятия, процессуального, имеющего двойственную природу, и двух отдельных понятий как для материального, так и для процессуального права. Не стоит полагать, что правовые науки уникальны и в иных областях знаний одному понятию соответствует только лишь одно значение.

3. Эксперт формулирует ответ, используя специальную терминологию. Отметим, что даже случайная ошибка или оплошность, совершенная экспертом, будет неоднозначно трактоваться руководством экспертного учреждения либо его будущими клиентами, поэтому возможность манипулирования информацией экспертом в процессе допроса – это не исключение, а скорее правило.

4. Специалист трансформирует полученный от эксперта ответ в доступную для неспециалистов форму, в которой используются простые лингвистические обороты, не имеющие специальной терминологической нагрузки. Возможно, этому могут предшествовать вопросы специалиста эксперту, в которых специалист уточнит нагрузку того или иного термина, процесса или обстоятельства, используемого экспертом.

5. Наиболее сложным этапом выступает последующее согласование правильности «перевода» специалистом информации, сообщенной экспертом. Если подобного согласования не состоится, то эксперт, скорее всего, откажется подписать протокол допроса. Необходимо понимать, что дискуссия между специалистом и экспертом может затянуться во времени, однако научное познание объективно предполагает ориентацию на однозначность и рациональность научной дискуссии. Крайне значимо для следователя не вмешиваться в спор специалиста и эксперта, даже если профессиональная психологическая установка на доминирование и предполагает подобное. Следователь может выставить себя в неприглядном свете, пытаясь вмеша-

ваться в разговор профессионалов в области, в которой малокомпетентен. Представляется, что единственным результатом подобного вмешательства будет формирование негативного восприятия его со стороны специалиста, что неминуемо уменьшит полемическую ценность последнего.

6. Результат согласования следователем вносится в протокол допроса эксперта. В случае существования дополнительных вопросов, которые также необходимо поставить перед экспертом, приведенный тактический цикл повторяется.

Отметим, что, по нашему глубокому убеждению, противопоставление эксперту специалиста нецелесообразно в двух случаях:

1. Если речь идет о врачебных ошибках, а эксперт и специалист соответственно принадлежат к группе практикующих медиков. Подобное положение обуславливает фактически патологическую солидарность работников медицинских специальностей при противодействии процессу расследования преступлений, связанных с оказанием медицинских услуг.

2. Если речь идет о достаточно узкопрофильных научных направлениях, в которых ведущие специалисты имеют друг с другом большой опыт совместной деятельности.

Прежде чем рассматривать содержательные аспекты проведенного экспертного исследования, необходимо выявить методические аспекты проделанной экспертом работы. Для достижения названной темы целесообразно поставить перед экспертом следующие вопросы:

1. Какова надежность полученных Вами выводов, по Вашему мнению?
2. Каковы преимущества использованной Вами при проведении экспертного исследования исследовательской методики?
3. Каковы недостатки использованной Вами при проведении экспертного исследования исследовательской методики?
4. Какие альтернативные исследовательские методики можно было использовать при проведении экспертизы?
5. В чем заключаются преимущества и недостатки по сравнению с использованной Вами методикой существующих альтернативных методик?
6. Подвергалась ли изменениям процедура исследования по сравнению с условиями, предусмотренными методикой исследования?
7. Сколько раз Вы проводили аналогичные экспертные исследования?

Подводя итог сказанному, отметим, что в целом, не желая демонизировать фигуру допрашиваемого эксперта, его допрос выступает, пожалуй, одной из сложнейших форм установления истины по уголовному делу. Фактическая же ценность экспертного заключения в случае его противоречия основной доказательственной массе может создать ситуацию, в которой судом будут проигнорированы все остальные доказательства, что обесценит работу следователя в процессе предварительного расследования преступления.

Литература

1. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: Проспект, 2010. 464 с.

Ahmedshin Ramil L. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

ACTUAL ASPECTS OF THE EXPERT'S INTERROGATION TACTICS.

Keywords: examination, expert, evidence.

It is important for an investigator to know that if an expert's findings are, in fact, of evidentiary significance, it is necessary to neutralize a "potentially dangerous" variety of evidence in the course of a trial. Thus, effective tactics of the interrogation of an expert are sometimes the only method of maintaining the investigator's position.

The purpose of the interrogation of an expert is to obtain some clarifications and attachments in relation to his findings. The interrogation of an expert is conducted to clarify, above all, his qualifications and his attitude to the given case; with the purpose of clarifying his findings if in his testimony the expert:

- explains the meaning of some special terminology and phrases; justifies the necessity of using the methods, instruments and equipment chosen for his research;

- explains how the ascertained diagnostic and identification characteristics enabled him to come to his conclusion; to which degree his conclusions are based on investigative materials;

- sets forward his opinion on the reasons why different experts came to conflicting conclusions in case of a commission examination.

It is necessary to remember that information available to the expert but not used by him in his findings, can serve as a basis for interrogation. The questions are articulated in the ruling to conduct examinations and are often connected with the unwillingness of an expert to widen the limits of his findings.

Unlike the investigator, the expert under interrogation has special knowledge. The fact that the investigator does not have the knowledge which was used by the expert in his findings, which are the subject of the interrogation of an expert, radically changes tactical, structural and psychological constituents of the interrogation of an expert. The expert's interrogation tactics will be more effective if we reveal the main motivation of the expert's behavior in the course of a trial.

References

1. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I. *Nastol'naya kniga sud'i: sudebnaya ekspertiza* [A Handbook of Judges: Judicial examination]. Moscow: Prospekt Publ., 2010. 464 p.